

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

АДМИРАЛ

Уильям Макрейвен

ЗАПРАВЛЯЙ КРОВАТЬ

**10 ПРОСТЫХ ПРАВИЛ,
которые могут
ИЗМЕНИТЬ ТВОЮ ЖИЗНЬ
И, ВОЗМОЖНО,
весь мир**

альпина
ПАБЛИШЕР

Уильям Макрейвен

**Заправляй кровать: 10 простых
правил, которые могут изменить
твою жизнь и, возможно, весь мир**

«Альпина Диджитал»

2017

Макрейвен У.

Заправляй кровать: 10 простых правил, которые могут изменить твою жизнь и, возможно, весь мир / У. Макрейвен — «Альпина Диджитал», 2017

ISBN 978-5-9614-4990-7

Адмирал Уильям Макрейвен выступил перед выпускниками Техасского университета с речью, в которой рассказал о десяти жизненных принципах, которые вывел для себя еще во время обучения в тренировочном лагере «морских котиков». Эта речь взорвала интернет, набрав 10 миллионов просмотров. Оказалось, что правила, которые помогли «морскому котiku» выжить в экстремальных условиях подготовки, а затем службы в спецназе, могут оказаться полезны каждому. В своей книге «Заправляй кровать» адмирал объясняет, как именно пришел к этим правилам и как они не раз спасали его и его сослуживцев. Прочитайте – и вы сможете изменить к лучшему свою жизнь... а может, и мир!

ISBN 978-5-9614-4990-7

© Макрейвен У., 2017

© Альпина Диджитал, 2017

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Речь на вручении дипломов в тexasском университете	36
Благодарности	42
Об авторе	43

Уильям Макрейвен
Заправляй кровать: 10 простых
правил, которые могут изменить
твою жизнь и, возможно, весь мир

АДМИРАЛ
УИЛЬЯМ МАКРЕЙВЕН

ЗАПРАВЛЯЙ КРОВАТЬ

10 ПРОСТЫХ ПРАВИЛ,
КОТОРЫЕ МОГУТ ИЗМЕНИТЬ
ТВОЮ ЖИЗНЬ И, ВОЗМОЖНО,
ВЕСЬ МИР

Перевод с английского

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2018

Переводчик *Глеб Ястребов*
Редактор *Карина Бычкова*

Главный редактор С. Турко
Руководитель проекта А. Василенко
Корректор Е. Аксёнова
Компьютерная верстка А. Абрамов
Корректор Ю. Буга

© William H. McRaven, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Трем моим детям: Биллу, Джонсу и Келли. Ни один отец не может гордиться своими детьми больше, чем я горжусь вами. Вы есть на свете, и благодаря этому моя жизнь становится лучше.

И моей жене Джорджэнн, лучшему другу, сделавшему все мечты осуществимыми. Где бы я был без тебя?

Предисловие

17 мая 2014 года мне выпала честь выступить на вручении дипломов в Техасском университете в Остине. Хотя это учебное заведение – моя альма-матер, я опасался, что офицер, посвятивший жизнь войне, не вызовет симпатию аудитории. Но к моему великому удивлению, меня приняли хорошо. В основу речи я положил десять уроков, которые вынес из своего обучения на базе «морских котиков». Это были самые базовые навыки – подспорье в подготовке спецназа, однако они полезны для каждого, кем бы вы ни были.

В последние три года меня останавливали на улицах замечательные люди и рассказывали свои истории: как они дали отпор акуле, как «не звонили в колокол» и как ежедневное застилание кровати помогало им выстоять в трудное время. Все они хотели больше узнать о том, как десять уроков помогли мне в жизни и на кого я равнялся в ходе службы. Это издание – попытка ответить на их вопросы. Каждая глава чуть подробнее объясняет контекст урока и рассказывает о людях, вдохновивших меня своими дисциплиной и упорством, честью и мужеством. Надеюсь, книга вам понравится!

Глава 1

Начните день с выполненной задачи

Если вы хотите изменить мир...

сначала заправьте кровать

Казарма учебной базы «морских котиков» – невзрачное трехэтажное здание в Коронадо (штат Калифорния), метрах в ста от Тихого океана. Никакого кондиционирования. Зато ночью, когда открыты окна, слышно, как набегают на песок волны прибой.

Обстановка внутри – спартанская. В комнате, где я жил с тремя другими новобранцами, стояли четыре койки и стенной шкаф для формы, и всё. Помню, как по утрам я вскакивал и начинал застилать кровать. Это было первой задачей дня – дня, который, как я знал, включал осмотр формы, длинные заплывы, еще более длинные пробежки, преодоление полосы препятствий и постоянное унижение со стороны командиров.

«Смирно!» – командовал староста курса младший лейтенант Дэнл Стюард, и инструктор входил в помещение. Когда старшина приближался ко мне, я сдвигал пятки и вытягивался в струнку. Строгий и черствый, он начинал ревизию с зеленого головного убора: кепка-восемиклинка должна быть накрахмаленной до хруста и держать форму. Его взгляд спускался сверху вниз, обшаривая каждый сантиметр формы. Вывернуты ли складки на рубашке и брюках? Надраена ли до блеска бляха ремня? Начищены ли берцы так, что старшина увидит в них отражение своих пальцев? Удовлетворенный тем, что я отвечаю высоким стандартам «морских котиков», он переходил к осмотру койки.

Она была простой, как и вся комната: стальная рама и каркас. На матрас надевался наматрасник, поверх всего стелилось покрывало. Серое шерстяное одеяло, заправленное под матрас, грело в холодные вечера, случающиеся в Сан-Диего. Второе одеяло было ловко свернуто в прямоугольник у изножья. Единственная подушка, изготовленная Lighthouse for the Blind¹, лежала сверху, а ее короткая сторона шла параллельно краю койки. Таким был стандарт. Малейшее отклонение вело к наказанию: окунуться в океан в полном обмундировании, после чего извлекаться с ног до головы в мокром песке. Человека, прошедшего такую экзекуцию, называли «сахарной печенькой».

Я стоял неподвижно и краем глаза наблюдал за старшиной. Он лениво разглядывал койку. Склонясь над ней, проверял, как она заправлена. Затем переходил к подушке: ровно ли она лежит на одеяле? Наконец, лез в карман, доставал монетку и несколько раз подкидывал ее, чтобы я знал: начинается последний этап осмотра. При последнем подбрасывании монетка

¹ Некоммерческая организация, занимающаяся помощью слепым и слабовидящим людям. – Прим. ред.

взлетала высоко в воздух, падала на матрас, слегка отскакивала и отлетала на несколько сантиметров от койки – достаточно высоко, чтобы старшина поймал ее в ладонь.

Инструктор разворачивался ко мне лицом, смотрел в глаза и кивал. Он никогда не говорил ни слова. Хорошо заправленная койка – не повод для похвалы, а нечто естественное. Это первая задача дня, и выполнить ее было важно: она показывала, что человек дисциплинирован и внимателен к мелочам. А вечером застеленная кровать напоминала, что я сделал нечто правильное, пусть и очень маленькое, чем можно гордиться.

На всем протяжении службы во флоте застилание койки было константой и ежедневной опорой. Во время службы на борту USS Grayback – подлодки для спецопераций – я попал в лазарет, где были четырехъярусные кровати. Старый врач, опытный морской волк, заведовавший лазаретом, требовал застилать их по утрам. Он часто замечал: если не убирать койки и не содержать комнату в чистоте, как же моряки получают лучший медицинский уход? Впоследствии я понял: аккуратность и порядок должны присутствовать в каждой сфере армейской жизни.

Через тридцать лет в Нью-Йорке рухнули башни-близнецы. Был нанесен удар по Пентагону, и отважные американцы погибли в самолете над Пенсильванией.

Во время теракта я был дома: лечил серьезную травму, полученную при прыжке с парашютом. Ко мне в квартиру прикатили больничную кровать, и большую часть дня я лежал на спине, пытаясь восстановиться. Сильнее всего на свете мне хотелось снова ходить. Как и каждый «морской котик», я жаждал быть в бою вместе со своими товарищами.

Когда я достаточно поправился для того, чтобы вставать без посторонней помощи, то в первую очередь разгладил простыню, поправил подушку и сделал кровать такой, чтобы её было не стыдно показать посетителям. Тем самым я давал понять, что одолел немощь и живу дальше.

Не прошло и четырех недель после 11 сентября, как меня перевели в Белый дом. Там я провел еще два года в новообразованном Отделе по борьбе с терроризмом. К октябрю 2003 года я оказался в Ираке во временном штабе, расположившемся на багдадском аэродроме. В первые несколько месяцев мы спали на армейских раскладушках. Тем не менее каждое утро я прежде всего сворачивал спальный мешок, помещал подушку в изголовье и готовился к наступившему дню.

В декабре 2003 года американские войска арестовали Саддама Хусейна. Его держали под стражей в маленькой комнате. Он также спал на раскладушке, но располагал такими роскошествами, как простыни и одеяло. Раз в день я навещал его с целью удостовериться, что военные заботятся о нем как надо. Не без удивления я заметил, что Саддам не застилает свое спальное место. Простыни вечно валялись смятыми в изножье, и он редко приводил их в порядок.

В последующие десять лет я имел честь работать с самыми прекрасными мужчинами и женщинами, какие только рождались в нашей стране: от генералов до простых людей, от адмиралов до моряков-новобранцев, от послов до машинисток. Американцы, служившие за рубежом для защиты государства, трудились добровольно и жертвовали многим, чтобы защитить нашу великую нацию.

Все понимали: жизнь тяжела и события не всегда нам подвластны. Солдаты гибнут в бою, их близкие горюют, а будни длинны и полны тягот. Как в таких условиях не искать то, что даст утешение и силы начинать каждый новый день, позволит чем-то гордиться в этом подчас страшном мире! И это – не одна лишь схватка. А повседневная жизнь, требующая все той же организованности. Да, ничто не заменит силу и утешение, которые дает вера. Но подчас достаточно лишь застелить постель – и вы уже получите заряд бодрости на весь день и желание прожить его достойно.

Если вы хотите изменить жизнь и, быть может, мир – сначала заправьте кровать!

Глава 2

Вы не справитесь в одиночку

Если вы хотите изменить мир...

найдите того, кто поможет вам грести

На учебной базе «морских котиков» я рано усвоил ценность командной работы и необходимость выполнять трудные задачи не в одиночку. Салагам, которые надеялись стать крутыми спецназовцами, этот важный урок преподавала трехметровая надувная шлюпка.

На первом этапе обучения мы, новобранцы, должны были брать ее с собой, куда бы ни пошли. Мы тащили ее на головах, когда бежали от казармы через дорогу в армейскую столовую. Мы несли ее на руках, когда бегали вверх и вниз по песчаным дюнам Коронадо. Мы бесконечно гребли на ней с севера на юг вдоль побережья и по пенистым бурунам: семь человек как единое целое, чтобы доставить ее по назначению.

Но в ходе этого путешествия на шлюпке мы узнавали нечто еще. Время от времени один из членов команды заболел и получал травму, а потому не мог действовать в полную силу. Часто меня самого изматывал день тренировок. Я мог слечь с простудой или гриппом. В эти дни нагрузка ложилась на моих товарищей. Они мощнее налегали на весла. Глубже опускали их. Они делились своим пайком, чтобы я мог подкрепиться. А впоследствии, когда приходило время, я возвращал долг. Маленькая резиновая шлюпка помогала понять: никто не справится с обучением в одиночку. Никакой «морской котик» не сможет сражаться сам по себе. А если говорить более широко, нужны люди, которые протянут руку в трудные времена.

*** * ***

Я никогда не нуждался в помощи так сильно, как двадцать пять лет спустя, когда командовал всеми «морскими котиками» Западного побережья.

Я был коммодором 1-го полка войск специального назначения в Коронадо. Как капитан ВМС, я имел за плечами несколько десятилетий руководства «морскими котиками» по всему миру. Я ожидал обычного парашютного прыжка, но все пошло не так.

Мы сидели на борту C-130 Hercules, который уже взлетел на высоту 3600 метров, и готовились к прыжку. Это был прекрасный калифорнийский день. На небе ни облачка, на Тихом океане – штиль, и вот она, как на ладони (с такой-то высоты), граница с Мексикой, всего лишь в нескольких километрах отсюда.

Инструктор рявкнул: «Приготовиться!» Где-то внизу, за краем люка, расстилалась земля. Он взглянул мне в глаза, улыбнулся и крикнул: «Пошел! Пошел! Пошел!» Я вынырнул из само-

лета. Мои руки были раскинуты в стороны, а ноги чуть согнуты в коленях. Поток воздуха наклонил меня вперед, но взмахами рук я выравнивал положение.

Я быстро проверил альтиметр², убедился, что падаю ровно, и огляделся: нет ли кого-нибудь в опасной близости? А через двадцать секунд высота была уже 1600 метров. Следовало раскрывать парашют.

И тут я увидел, что прямо под меня проскользнул другой парашютист. Он был на моем пути к земле и потянул за кольцо. Я мог видеть, как вытяжной парашют извлекает из ранца камеру основного...

Я моментально прижал руки к корпусу и потянулся головой к земле, в попытке уклониться от раскрывающегося купола. Но было слишком поздно.

Чужой парашют раскрылся передо мной подобно пневматической подушке, ударив меня со скоростью 190 км/час. Я отскочил от основного купола и потерял контроль, еле сохраняя сознание после удара. Несколько секунд меня мотало, и я не мог стабилизироваться. Я не видел альтиметр и понятия не имел, далеко ли до земли.

Я инстинктивно нащупал кольцо и рванул его. Вытяжной парашют выскользнул из небольшого отделения в задней части ранца, но запутался вокруг ноги. А земля все приближалась. Я пытался выпутаться, но стало только хуже. Основной парашют частично вышел, но в процессе закрутился вокруг другой ноги.

Вытягивая шею к небу, я видел, что мои ноги опутаны длинными капроновыми стропами, которые соединяют основной парашют с амуницией на спине. Одна стропа обвернулась вокруг одной ноги, а другая – вокруг другой. Основной парашют полностью выскользнул из ранца, но повис где-то на мне.

Я изо всех сил пытался выпутаться и вдруг почувствовал, как купол оторвался от тела и стал распаиваться. Взглянув на ноги, я понял, что сейчас произойдет.

Через несколько секунд купол раскрылся. Стропы, опутывавшие меня, внезапно и резко разошлись, унеся мои ноги с собой. От силы рывка пострадал таз. В нижней части туловища все разорвалось. Тысячи маленьких мышц, соединяющих таз с телом, были повреждены.

Мой рот раскрылся, и я издал вопль, который наверняка услышали даже в Мексике. Раздирающая боль отдавалась по всему телу и пульсировала волнами от таза к голове. Резкие мышечные сокращения сотрясали верхнюю часть туловища, выстреливая новой болью в руки и ноги. Я почувствовал себя вне своего тела: я осознал крик и пытался удержать его, но боль была невыносимой.

Все еще падая головой вниз, я умудрился вернуться в правильное положение, что сняло часть давления на таз и спину.

450 метров.

Я падал более 1200 метров, прежде чем сработал парашют. Хорошая новость: над моей головой все же раскрылся купол. Плохая новость: я был разорван на куски стропами.

Я приземлился километрах в трех от дроздоны. За считанные минуты подроспела бригада с аэродрома и скорая помощь. Меня отвезли в травматологическое отделение больницы, расположенной в центре Сан-Диего. Сразу прооперировали. В результате несчастного случая мышцы таза разошлись почти на 12 сантиметров. Мышцы живота отошли от тазовой кости, а мышцы спины и ног были сильно повреждены от удара. В таз мне поставили большую титановую пластину, а в спину для большей стабильности вкрутили лопаточный винт.

Казалось бы, все, конец карьеры. «Морской котик» обязан быть в отличной физической форме. А меня ждали месяцы, если не годы, реабилитации и прохождение строгой медкомиссии после. Из больницы я выписался через неделю, но еще месяца два был прикован к постели дома.

² Прибор, предназначенный для измерения высоты. – Прим. ред.

Доселе я чувствовал себя непобедимым: мол, при таких физических данных мне все нипочем. И до сих пор оказывался прав. Ведь в каких я только ни бывал передрягах: сталкивался в воздухе с другим парашютом, переживал неконтролируемый спуск в сверхмалой подводной лодке, чуть не падал с буровой вышки высотой полсотни метров, попадал в ловушку под тонущей лодкой, едва не подрывался на внезапно сдетонировавшем фугасе. Во множестве случаев все зависело от доли секунды – буду ли я жить или нет. И всякий раз удавалось принять правильное решение. До этого физическая форма всегда позволяла мне справиться с задачей. Но не сейчас.

Я лежал в постели и жалел себя. Впрочем, недолго. Ведь за мной ухаживала моя жена Джорджэнн. Она промывала раны, делала положенные ежедневные уколы и выносила судно. Но самое главное, напоминала мне о том, кто я: человек, который не сдавался – и не должен сдаваться теперь. Она не потакала моим страданиям. Это была как раз та строгая любовь, в которой я нуждался. День шел за днем, и мне становилось лучше.

Меня навещали друзья. Они постоянно звонили и помогали чем могли. А мой начальник адмирал Эрик Олсон нашел способ обойти правило, которое требовало строгой медицинской проверки: годен ли я в «морские котики». Скорее всего, его вмешательство спасло мою карьеру.

...За время службы «морским котиком» я пережил массу трудностей. И всякий раз ко мне приходили на выручку: один не терял веру в меня; второй видел во мне потенциал, которого не замечали другие; третий рисковал репутацией, чтобы я продолжил работать. Я никогда их не забуду. Я знаю: всему, чего достиг в жизни, я обязан тем, кто мне помогал.

Никто из нас не застрахован от жизненных трагедий. И чтобы добраться до пункта назначения, нужна команда хороших товарищей – вроде той, что была у нас на базе «морских котиков». В одиночку со шлюпкой не справиться. А потому ищите тех, с кем вы можете разделить жизнь. Заводите как можно больше друзей и не забывайте, что не добьетесь успеха без других людей.

Глава 3

Важен лишь размер сердца

Если вы хотите изменить мир...

судите о людях по их сердцу

Я бежал к берегу, держа под правой подмышкой черные резиновые ласты, а в левой руке маску. Когда мы получили команду «вольно», я воткнул ласты в мягкий песок, прислонив их друг к другу так, что получился вигвам. Справа и слева от меня стояли другие курсанты. Одетые в зеленые футболки, плавки цвета хаки, неопреновые ботинки и небольшие спасательные жилеты, мы готовились к утреннему трехкилометровому заплыву.

Спасательный жилет – это пузырь из прорезиненной ткани. Надувается он лишь тогда, когда вам это надо. У нас, курсантов, использовать его считалось позором. Однако инструкторы были обязаны осматривать каждый жилет перед каждым заплывом. Эта процедура лишний раз позволяла им унижить нас.

В тот день в Коронадо волны достигали двух с половиной метров в высоту. Они набегали по несколько за раз и обрушиваясь на берег с ревом, от которого у каждого сильнее билось сердце. Инструктор медленно обошел строй и подошел к человеку, стоявшему справа от меня. Этот курсант, матрос-новобранец, совсем еще новичок во флоте, был ростом метр шестьдесят. А инструктор, опытный «морской котик» и ветеран вьетнамской войны с орденами на груди, имел рост под метр девяносто и возвышался над ним, как башня.

Осмотрев спасательный жилет парня, инструктор бросил взгляд через его левое плечо на волны прибоя, затем наклонился и взял в руки его ласты. Поднес их к лицу моряка и тихо сказал:

– Хочешь быть десантником, да?

Моряк вытянулся в струнку и с оттенком вызова в глазах громко выкрикнул:

– Да, инструктор, хочу!

– Да ты же мелкий, – инструктор помахал ластами у него перед носом, – волны тебя уничтожат. Он сделал паузу и снова взглянул на океан: – Подумай, не стоит ли тебе бросить, прежде чем станет больно.

Даже уголком глаза я видел, как курсант стиснул челюсти.

– Я не брошу! – отвечал он, чеканя каждое слово. Тогда инструктор наклонился к нему и шепнул что-то ему на ухо. Из-за шума волн я не мог разобрать ни слова.

После осмотра каждого новобранца последовал приказ войти в воду – и начался заплыв. Часом позже я вышел из зоны прибоя и увидел, что молодой курсант уже стоит на песке. Он закончил заплыв одним из первых. Чуть позже в тот день я отвел его в сторонку и спросил, что сказал ему инструктор. Он улыбнулся и с гордостью ответил:

– Докажи, что я ошибаюсь!

Нам постоянно приходилось что-то доказывать. Доказывать, что рост не важен. Доказывать, что цвет кожи не имеет значения. Доказывать, что деньги не делают тебя лучше или хуже. **Что решимость и настойчивость всегда важнее таланта.** Мне посчастливилось выучить этот урок еще за год до начала обучения.

* * *

Сев на городской автобус в центре Сан-Диего, я кипел энтузиазмом: побываю на базе «морских котиков», которая расположена за бухтой, в Коронадо! Поездка была запланированной. Я проходил программу вневойсковой подготовки офицеров резерва ВМС, и шел второй год обучения: один год был позади, еще один – впереди. Если все получится, надеялся я, после выпуска следующим летом меня направят на базу «морских котиков». В середине недели один из инструкторов разрешил мне вместо занятий сесть на корабль в порту и отправиться в Коронадо.

Я приехал на автобусе к знаменитому Hotel del Coronado и прошел около полутора километров по дороге к военно-морской базе десантных сил у берега. Миновал несколько зданий времен корейской войны, где располагались 11-я и 12-я бригады пловцов-подрывников. Около просторного кирпичного здания стоял большой деревянный знак с изображением Лягушонка Фреда: грозного, с перепончатыми лапами, сигарой в зубах и динамитом. Здесь размещались водолазы-разведчики Западного побережья, эти бесстрашные бойцы в ластах и масках, чьи военные предки зачищали берега Иводзимы, Таравы, Гуама и Инчхона. Мое сердце учащенно забилося. Именно тут я хотел оказаться через год!

Миновав корпус бригад пловцов-подрывников, я оказался у здания, принадлежащего 1-й бригаде «морских котиков»: в ту пору новой породы бойцов в джунглях, которые завоевали во Вьетнаме репутацию самых крутых ребят во всей армии. Еще на одном знаке был нарисован морской котик Сэмми: с кинжалом в руке и темным плащом на плечах. Впоследствии я узнаю, что пловцы-подрывники и «морские котики» – это одно и то же. Все они – выпускники этой базы. И все – классные бойцы.

Наконец я подошел к последнему административному зданию на берегу. На фасаде значилось:

БАЗОВАЯ ПОДГОТОВКА SEAL

У главного входа стояли два «котика» в окружении молодых курсантов. Инструкторы возвышались над учениками. Один из них, главный старшина Дик Рей, был ростом под метр девяносто, широкоплечий, поджарый, загорелый и с темными, очень тонкими усами. Он был в точности таким, каким в моем понимании должен быть «котик». Рядом с ним стоял главный старшина Джин Венс. Примерно такого же роста, он был сложен как лайнбекер³, а его внушительные бицепсы и жесткий стальной взгляд предупреждали, что с ним лучше не связываться.

Курсантов ввели в здание. Не без тревоги я последовал за ними и остановился у столика дежурного. Я объяснил этому молодому моряку, кто я такой: студент Техасского университета и военных курсов, надеюсь поговорить с кем-нибудь об учебе «котиков». Моряк тут же отошел от стола, а вернувшись, сообщил, что лейтенант Даг Хат, инструктор первой фазы, будет рад пообщаться со мной через несколько минут.

В ожидании, когда меня позовут к Хату, я медленно прохаживался и разглядывал фотографии на стенах. На них были изображены «котики» во Вьетнаме: ребята по пояс в грязи в дельте Меконга. Взвод «котиков» в камуфляже, возвращающихся с ночного задания. Ребята с автоматами и тяжелыми поясными сумками в катере Swift Boat, направляющемся в джунгли.

³ Один из игроков в американском футболе. – Прим. ред.

Потом я заметил в конце длинного вестибюля еще одного человека. Он тоже смотрел фото: с виду гражданский, тоненький, почти хрупкого телосложения, с удлиненными около ушей волосами в стиле The Beatles. Было похоже, что он с благоговением взирает на великих бойцов, чьи подвиги запечатлены на снимках. «Наверное, – подумал я, – он поражается: каково это, быть "морским котиком"»! А может, изучает и прикидывает, способен ли выдержать подготовку. Но неужели он надеется, что при своей subtilности сможет таскать тяжелый рюкзак и тысячи патронов? Разве он не видел двух инструкторов у входа, этих здоровяков, *настоящих* «морских котиков»? Мне стало немного жаль, что кто-то заморочил голову бедняге и тот решил оставить комфортную гражданскую жизнь и попробовать выучиться на «котика».

Через несколько минут дежурный с вахты спокойно прошел по коридору и провел меня к лейтенанту Хату. Даг Хат так и просился на вербовочный плакат: высокий, мускулистый шатен с волнистыми волосами, он выглядел весьма эффектно в своей морской форме цвета хаки.

Я сел на стул напротив его стола, и мы заговорили о том, как стать «котиком» и чего требует программа. Хат поведал о своем опыте войны во Вьетнаме и о том, какой будет жизнь в строю, если я пройду подготовку на базе. При этом краем глаза я видел худого человека в гражданском костюме, который все разглядывал фотографии на стенах. Должно быть, подобно мне, он надеялся поговорить с лейтенантом Хатом и узнать побольше об учебе «котиков». Я мысленно возгордился: ведь я явно сильнее и лучше подготовлен, чем этот худыш, считающий, что потянет образ жизни спецназовца.

Внезапно Хат смолк на полуслове, оторвал взгляд от стола и крикнул человеку в вестибюле. Я встал, а лейтенант пригласил его в кабинет.

«Билл, это Томми Норрис, – сказал он, крепко обнявшись с незнакомцем. – Томми был последним, кого наградили медалью Почета за заслуги во Вьетнаме», – добавил Хат. Норрис улыбнулся, чуть смущенный рекомендацией. Я улыбнулся в ответ, пожал ему руку и мысленно посмеялся над собой. Ничего себе! Этот хрупкий с виду мужчина с патлами, которому, как я думал, и обучения не осилить, есть не кто иной, как лейтенант Том Норрис. Том Норрис, пробиравшийся ночь за ночью во вражеский тыл, чтобы спасти двух сбитых пилотов. Том Норрис, получивший в ходе задания пулю в лицо от вьетнамских солдат, брошенный умирать, но спасенный старшиной Майком Торнтоном, впоследствии награжденным медалью Почета за свой поступок. Том Норрис, оправившийся от раны и принятый в первое подразделение ФБР по освобождению заложников. Этот тихий, замкнутый и скромный человек был одним из самых крутых «морских котиков» за всю историю.

А ведь в 1969 году Томми Норриса чуть не отчислили с базы. Говорили, что он слишком мал, худ и слаб. Но, как тот мой сокурсник, Норрис доказал, что командование ошиблось. Он продемонстрировал, что важен размер сердца, а не размер ласт.

Глава 4

Жизнь несправедлива – продолжайте путь!

Если вы хотите изменить мир...

переживите, что были «сахарной печенькой», и двигайтесь дальше

Я взбежал на вершину дюны и сразу сбежал по другой ее стороне, на полной скорости устремляясь к Тихому океану. На мне была зеленая форма, кепка и полевые ботинки, но я с головой окунулся в волны, бьющие о берег Коронадо, штат Калифорния.

Выходя насквозь промокшим, я увидел «котика»-инструктора. Он стоял на дюне, сложив руки, его жесткий взгляд пронзал утренний туман. Я услышал, как он проревел: «Ты знаешь, что делать, мистер Мак!»

Еще бы я не знал.

С притворным энтузиазмом я во всю глотку бодро крикнул «Так точно!», после чего упал лицом вниз в мокрый песок и перекатился с боку на бок, чтобы ни одна часть формы не осталась чистой. Затем я сел, зарылся в песок и стал подбрасывать его в воздух, дабы он проник на каждый сантиметр моей кожи.

Где-то в ходе утренней физической подготовки я «совершил нарушение учебных правил». В наказание я должен был войти в воду, а потом мокрым извлекаться в песок, тем самым став «сахарной печенькой».

Это самое худшее, что могло произойти с вами в процессе учебы. Случались вещи более болезненные и изматывающие. Но превращение в «сахарную печеньку» испытывало терпение и решимость. И дело не только в том, что остаток дня ты проводил с песком на шее, подмышками и между ног, но и в том, что все делалось бессистемно. Ни с того ни с сего. Ты становился «сахарной печенькой» по капризу инструктора.

Многим «котикам»-курсантам было тяжело это принять. Они хотели быть лучшими и ожидали награды за показанные звездные результаты. Подчас их и правда поощряли. Но отнюдь не всегда. Порой за свои усилия они получали лишь мокрый песок.

Извлекшись, я подбежал к инструктору. «Так точно!» – снова крикнул я и встал по стойке смирно. Он тщательно осмотрел меня с ног до головы: удовлетворяю ли я требованиям к «сахарным печенькам»? Это был лейтенант Филип Мартин. Друзья называли его Моки, но мы не притесствовали с ним.

Моки Мартин был настоящим десантником. Рожденный и воспитанный на Гавайях, он был именно таким «котиком», каким мечтал стать я. Опытный ветеран войны во Вьетнаме, он превосходно разбирался в каждом виде оружия, применяемом спецназом. Он считался одним из лучших скайдайверов в бригадах, а в плавании, как коренной гаваец, почти не имел равных.

– Мистер Мак, вы знаете, почему стали «сахарной печенькой» сегодня утром? – спросил Мартин очень спокойно, но твердо.

– Нет, инструктор Мартин, – как положено, ответил я.

– Потому что, мистер Мак, жизнь несправедлива. И чем скорее вы это узнаете, тем лучше для вас.

* * *

Годом позже мы с лейтенантом Мартином уже называли друг друга по имени. Я прошел базовый курс подготовки «котиков», а его перевели из учебного центра в 11-ю бригаду пловцов-подрывников в Коронадо.

Чем больше я узнавал Моки, тем больше росло мое уважение к нему. Он не только был высококлассным профессионалом, но и имел феноменальные физические данные. В начале 1980-х он входил в число тех, кто развивал триатлон. Красиво плавал вольным стилем в открытом океане. Благодаря сильным лодыжкам и бедрам легко выдерживал длинные забеги. Но особой его страстью был велосипед. Он и его железный конь были созданы друг для друга.

Каждое утро он садился на велосипед и отправлялся в 50-километровую поездку по Серебряной полосе в Коронадо. Вдоль Тихого океана, от города Коронадо до города Империял-Бич, шла плоская местность с вымощенной велосипедной дорожкой. С одной стороны океан, с другой – бухта: это один из самых красивых пляжей в Калифорнии.

Каждое субботнее утро Моки тренировался на Серебряной полосе. И вот однажды он, быстро крутя педали и наклонив голову, не заметил встречный велосипед. Велосипеды столкнулись со скоростью примерно 40 километров в час и искорежились. Ездоков выбросило из седел, они упали лицом вниз на асфальтовую дорожку. Однако один из них перевернулся на бок, отряхнулся и встал на ноги. Он был ранен, но в целом в норме.

А Моки так и остался лежать, неспособный пошевелиться. За считанные минуты пришла скорая помощь. Врачи привели его в чувство и госпитализировали. Поначалу была надежда, что паралич носит временный характер. Но день шел за днем, месяц за месяцем и год за годом, а ходить Моки по-прежнему не мог. После травмы всю нижнюю часть тела парализовало: только руки имели ограниченную подвижность.

Последние 34 года Моки провел в инвалидном кресле. За все это время я никогда не замечал, что он сетует на свою участь. Не слышал, чтобы он вопрошал: «Почему именно я?» Он ни разу не выказал и капли жалости к себе.

Более того, после несчастного случая Моки занялся рисованием. У него родилась прекрасная дочь. Он организовал Superfrog Triathlon, который проходит каждый год в Коронадо, и продолжает координировать его поныне.

Винить в своем жизненном жребии некие внешние силы и перестать бороться очень просто: мол, против судьбы не пойдешь. Легко думать, что будущее определяется только тем, где вас воспитывали, как с вами обращались родители и в какой школе вы учились. Ничто не может быть дальше от истины! И об обычных людях, и о великих можно судить по тому, как они реагировали на несправедливость жизни: Хелен Келлер, Нельсон Мандела, Стивен Хокинг, Малала Юсуфзай и – Моки Мартин.

Бывает и так: сколь бы сильно вы ни старались и сколь бы хорошим ни были, вы все равно оказываетесь «сахарной печенкой». Не жалуйтесь. Не вините судьбу. Выпрямитесь, взгляните в будущее – и двигайтесь дальше.

Глава 5

Неудача может сделать вас сильнее

Если вы хотите изменить мир...

не бойтесь «цирка»

Море у острова Коронадо было беспокойно. Небольшие клочья пены били нам в лицо, когда мы плыли обратно к берегу.

Как обычно, мы с моим напарником по заплывам изо всех сил пытались не отстать от других «котиков»-курсантов. Инструкторы со спасательной шлюпки кричали, чтобы мы держали темп, но нам казалось: чем больше мы стараемся, тем больше отстаем.

В тот день моим напарником был курсант Марк Томас. Подобно мне, Марк попал на базу через программу вневоинсковой подготовки офицеров резерва ВМС. Он окончил Военный институт Вирджинии и был одним из лучших среди нас бегунов на длинные дистанции.

В обучении «котиков» напарник по заплывам – это человек, на которого можно было полностью положиться. Во время подводных ныряний вы были связаны с ним физически. Вы вместе преодолевали длинные дистанции. Он помогал учиться, мотивировал и вообще являлся самым близким союзником в ходе обучения. А если один из вас терпел неудачу, наказывали обоих. Так подчеркивалась важность слаженной работы.

Мы закончили заплыв и вышли на берег. «Котик»-инструктор ждал нас.

– Упасть! – последовала команда. Это означало, что нужно занять положение как при отжимании от пола. Спина прямая, руки расставлены в стороны, голова поднята.

– И вы называете себя офицерами?

Отвечать не имело смысла. Мы оба знали, что он не остановится.

– «Морские котики» – всегда впереди. Они не приходят последними в заплывах. Они не позорят свой курс.

Инструктор ходил вокруг нас, швыряя ногой песок нам в лицо.

– Не думаю, что вы, джентльмены, справитесь. В вас нет качеств, которые нужны настоящим десантникам.

Он извлек из заднего кармана маленький черный блокнот, с отвращением взглянул на нас и сделал короткую запись.

– Вы двое только что попали в "цирк", – он покачал головой, – вам повезет, если вы переживете еще неделю.

«Цирк». Это последнее, чего мы с Марком желали бы. «Цирк» устраивали каждый день под конец тренировок: это были лишние два часа физической подготовки при непрерывном унижении со стороны «котиков»-ветеранов, которые хотели, чтобы в строю остались только

сильные. Если ты в чем-то отставал – в упражнениях, беге с препятствиями, забегах на время или заплывах, – ты попадал в список. В глазах инструкторов ты был неудачником.

Курсанты боялись «цирка» не только из-за лишних унижений: они знали, что на следующий день будут измучены дополнительной нагрузкой – измотаны до такой степени, что на выполнение нормативов не хватит сил. А значит, последует еще один «цирк», а затем еще и еще. Это была спираль смерти, цикл неудач, который заставлял многих бросать обучение.

Наши товарищи уже пошли отдыхать, а мы с Марком, да еще несколько бедолаг собрались на экзекуцию. Нас ждала долгая тренировка.

Поскольку мы стали последними в заплыве, в тот день программа «цирка» была составлена под нас. Упражнение «ножницы». Много и много «ножниц». «Ножницы» укрепляют мышцы пресса и бедер, на которые ложится нагрузка при длинных заплывах в открытом океане. А кроме того, эти упражнения нацелены на то, чтобы сломить вас.

Вы ложитесь на спину, подняв прямые ноги вверх, а руки держите за головой. Инструктор считает повторы, а вы последовательно поднимаете то правую, то верхнюю ногу. Ни в коем случае нельзя сгибать ноги в коленях. Для десантника согнуть ноги в коленях – это слабость.

«Цирк» был наказанием. Сотни «ножниц», отжиманий, подтягиваний, сгибаний и разгибаний туловища и сложных комплексных упражнений на восемь счетов. К заходу солнца мы с Марком еле могли пошевелиться. За неудачу приходилось платить.

А следующий день предполагал новые упражнения, новый забег, новый бег с препятствиями, новый заплыв и, увы, еще один «цирк». Новые сгибания и разгибания туловища, новые отжимания и бесконечные «ножницы». Однако по мере того, как «цирки» продолжались, произошло нечто интересное. Наши результаты в плавании улучшились. Мы перестали отставать.

«Цирк», который стал наказанием за неудачу, делал нас сильнее, быстрее и увереннее в воде. И если у других курсантов опускались руки – они не могли пережить эпизодические промахи и последующие унижения, мы с Марком решили во что бы то ни стало не сломаться в «цирке».

Обучение подходило к концу. Оставался один финальный заплыв в открытом океане: восьмикилометровая дистанция у побережья острова Сан-Клементе. Завалить его было нельзя: иначе мы провалили бы всю учебу.

Мы спрыгнули с пирса в океан. Вода обожгла холодом. Пятнадцать пар курсантов, войдя в волны, поплыли в сторону выхода из маленькой бухты, вокруг полуострова и над зарослями водорослей. Часа через два пары настолько рассеялись, что было непонятно, сколько человек впереди и позади. Четыре часа плавания – и мы с Марком, измотанные, ооченевшие и на грани переохлаждения, выбрались на берег. Там нас ждал инструктор.

– Упасть! – рявкнул он.

Мои руки и ноги замерзли настолько, что я не чувствовал песка под пальцами. Стараясь держать голову прямо, я видел лишь ботинки инструктора. Он ходил кругами вокруг нас с Марком.

– Вы двое – позор для всего курса. – В поле моего зрения показалась еще одна пара ботинок, а потом еще одна. Нас окружали уже несколько инструкторов.

– Из-за вас все курсанты выглядят плохо. Он сделал паузу. – Отдыхайте, джентльмены!

Мы с Марком поднялись на ноги, огляделись и внезапно поняли, что пришли к финишу первыми.

– Да, классно вы их опозорили. Инструктор улыбнулся. – Второй пары еще даже не видно.

Мы с Марком обернулись и посмотрели на океан. В самом деле, в поле зрения не было ни одного пловца.

– Вы молодцы, джентльмены. Похоже, лишняя боль и страдание окупилась. – Инструктор сделал паузу, подошел к нам и пожал нам руки. – Для меня будет честью служить с вами, когда вы попадете в нашу команду.

Мы сделали это! Долгий заплыв стал последним тяжелым испытанием. Через несколько дней мы с Марком закончили обучение.

Мой товарищ сделал успешную карьеру среди «морских котиков», и мы до сих пор остаемся близкими друзьями.

В жизни у вас будет много «цирков». За неудачи придется платить. Но если вы не опустите руки, если вы позволите сложностям учить и укреплять вас, вы будете готовы к тяжелейшим жизненным испытаниям.

* * *

Одним из тяжелейших периодов в моей жизни был июль 1983 года. Я стоял перед командующим офицером и думал, что моей карьере «котика» пришел конец. Меня освободили от командования отрядом за то, что я пытался изменить его организацию, тренировки и методику выполнения заданий. В отряд входили замечательные люди – и рядовые, и офицеры, включая редких профессионалов, – но порядки укоренились еще в ходе вьетнамской войны. А я думал, что настало время для изменений. Но как выяснилось, нововведений добиваться нелегко, особенно руководителю.

К счастью, хотя я был уволен, начальство разрешило мне перейти в другую бригаду «котиков». И все же моя репутация сильно пострадала. Куда бы я ни шел, офицеры и рядовые знали: я потерпел неудачу. Каждый день за моей спиной шушукались. То тут, то там мне исподволь давали понять, что я не гожусь в «морские котики».

В этот момент карьеры передо мной встал выбор: уйти в отставку и начать гражданскую жизнь (логичное решение в свете сказанного в «Рапорте о соответствии») или выдержать бурю и доказать себе и остальным, что я достойный офицер «морских котиков». Я предпочел второе.

Вскоре после увольнения мне дали еще один шанс: назначили командовать отрядом «морских котиков» за рубежом. В ходе операций мы по большей части находились в удаленных пунктах, действовали в изоляции и самостоятельно. Я воспользовался случаем, чтобы доказать свою способность руководить. Когда ты живешь бок о бок с двенадцатью «морскими котиками», спрятаться некуда. Они видят, полностью ли ты выкладываешься на утренней физподготовке. Примечают, первым ли ты прыгаешь с парашютом и последним ли стоишь за обедом. Обращают внимание на то, когда ты чистишь оружие, проверяешь рацию, читаешь оперативные донесения и готовишь инструктаж. Они знают, когда ты всю ночь проводишь за подготовкой к завтрашним учениям.

Месяц за месяцем я использовал свою предыдущую неудачу как повод для того, чтобы работать лучше, быстрее и качественнее, чем остальные в отряде. Мне не всегда это удавалось, но старался я изо всех сил.

И со временем я вернул уважение товарищей. Через несколько лет мне поручили командовать целой бригадой «котиков». А в итоге я стал руководить всеми «котиками» Западного побережья.

К 2003 году я принял участие в боевых действиях в Ираке и Афганистане. К этому времени я уже был однозвездным адмиралом, возглавляющим войска в зоне боевых действий. Все решения, что я принимал, имели серьезные последствия. И в следующие несколько лет я неоднократно допускал промахи. Но на каждую неудачу, каждую ошибку приходились сотни побед: освобожденные заложники, нейтрализованные подрывники-смертники, арестованные пираты, убитые террористы, а также бесчисленное множество спасенных жизней.

Прошлые неудачи укрепляли меня и учили, что никто не может избежать промахов. Настоящие лидеры учатся на ошибках, используют эти уроки для самомотивации и не боятся пробовать снова и снова, принимать трудные решения.

«Цирка» не миновать. Рано или поздно мы все в него попадаем. Поэтому не бойтесь «цирка».

Глава 6

Будьте смелее

Если вы хотите изменить мир...

съезжайте головой вниз

Стоя на краю десятиметровой вышки, я ухватился за толстый капроновый канат. Одним концом он был прикреплен к вышке, а другим – к шесту на земле, который располагался метрах в тридцати поодаль. Я уже наполовину одолел полосу препятствий и двигался в рекордном темпе. Обхватив ногами канат и держась за него руками изо всех сил, я начал постепенно съезжать с платформы. Мое тело висело под канатом. Подобно гусенице, я мелкими хватами одолел спуск.

Достигнув конца, я разжал руки, упал в мягкий песок и побежал к следующему препятствию. Курсанты подбадривали меня криками, но я слышал, как инструктор громко отсчитывает минуты. На спуске по канату я потерял массу времени. Передвижение в стиле поссума было слишком долгим, но я просто не мог заставить себя съезжать головой вниз. Спуск с башни головой вниз с использованием стиля коммандос, был куда быстрее, но и рискованнее. Удержаться сверху каната намного труднее, чем висеть под ним. А если упадешь и расшибешься – прощай, учеба.

Результаты у финишной черты не обнадеживали. Я согнулся пополам, пытаюсь отдышаться, а сидящий старый ветеран вьетнамской войны в отполированных до блеска ботинках и сильно накрахмаленной зеленой униформе склонился надо мной. «Когда же вы научитесь, мистер Мак? – спросил он с явным презрением. – Полоса препятствий будет побеждать вас всякий раз, если вы не начнете немного рисковать».

Через неделю я поборол страхи: оседлал канат и устремился по нему вниз, скользя головой вперед. У финишной черты я показал личный рекорд, а старый вьетнамский «котик» кивнул головой в знак одобрения. Это был простой урок: чтобы сделать дело, надо преодолеть тревогу и довериться своим способностям. В последующие годы он сослужил мне хорошую службу.

* * *

Ирак, 2004 год. Собеседник по радиации говорил размеренно, но голос все же выдавал беспокойство: мы искали трех заложников и наконец нашли. Террористы из «Аль-Каиды» удерживали их в огороженном доме на окраине Багдада. Но, по данным разведки, узников собирались увезти в другое место. А значит, требовалось действовать стремительно.

Подполковник, отвечавший за спасательную операцию, сообщил мне, что захват придется осуществлять в опасных условиях, при свете дня. Хуже того, путь к успеху всего один: посадить три вертолета «Черный ястреб»⁴ с штурмовой командой прямо у дома с террористами. Мы обсудили и другие возможности, но было ясно, что подполковник прав. Всегда лучше спасать заложников ночью, когда есть фактор неожиданности, но времени было в обрез. Если бы мы срочно ничего не предприняли, заложников бы увезли и, возможно, убили.

Я одобрил операцию, и через несколько минут три «Черных ястреба» с командой захвата находились на пути к цели. Высоко над ними еще один вертолет обеспечивал видеоконтроль со стороны моего штаба. Я молча следил, как вертолеты скользили над пустыней – в паре метров над землей, чтобы скрыть свое приближение.

Во дворе я видел мужчину с автоматом. Он входил и выходил из дома, видимо, собираясь уезжать. Вертолеты были в пяти минутах от цели, а мне оставалось лишь слушать внутренние переговоры команды захвата.

Это было не первое освобождение заложников, которым я руководил, и не последнее. Но оно было самым рискованным из-за необходимости заставить преступников врасплох, приземлившись внутри их укрепления. Конечно, пилотам нашей военной авиации нет в мире равных, но тут все висело на волоске. Три вертолета, длина каждого из которых с лопастями составляет около 20 метров, должны были приземлиться во дворе, где почти нет свободного места. Дополнительную трудность создавала двух с половиной метровая кирпичная стена вокруг двора: она вынуждала пилотов резко изменить угол захода на посадку. Одним словом, приземление требовалось жесткое. Я слышал по радиосвязи, как десантники готовятся к захвату.

Видеонаблюдение сверху показывало, как приближаются вертолеты. Первый летел низко и горизонтально, затем преодолел стену и сел во дворе. Тут же из «Черного ястреба» выпрыгнули спецназовцы и устремились в здание. Второй вертолет, буквально на хвосте у первого, расположился в метре от него. Лопасти винтов подняли поток пыли, который окутал окружающую местность. Когда третий вертолет достиг двора, огромное пылевое облако временно ослепило пилота. Он медленно и осторожно перелетел через стену, но задним колесом чиркнул по ограде, и из нее посыпались кирпичи. Между тем места для посадки уже не было. С глухим стуком вертолет втиснулся в узкое пространство, никого не задев.

Через несколько минут мне сообщили, что с заложниками все в порядке. А через полчаса спасательная команда и освобожденные люди были уже на пути в безопасное место. Риск оправдал себя.

В следующие десять лет я понял, что наш спецназ часто идет на риск. Чтобы добиться успеха, бойцы испытывают пределы своих возможностей (и возможностей машин). И во многих отношениях это выделяет их среди прочих. Однако, несмотря на распространенное мнение, обычно риск просчитан, обдуман и запланирован. Но даже если он спонтанен, люди трезво оценивают ситуацию, полагая, что попытка имеет смысл.

На протяжении всей карьеры я относился с огромным пиететом к Особой воздушной службе Великобритании, знаменитой САС. Ее девиз: «Кто рискует – побеждает». Он был столь почитаем, что за несколько минут до начала операции по ликвидации бен Ладена мой главный сержант-майор Крис Фарис процитировал его группе, готовившейся к выполнению задания. В этом лозунге заключено для меня нечто большее, чем принцип работы британского спецназа: каждый должен относиться к жизни подобным образом.

Жизнь – это борьба, в которой всегда возможно поражение. Однако те, кто поддается страху перед неудачами, трудностями или позором, никогда не реализуют свой потенциал. Не пытаясь выйти за пределы возможного, не скользя по канату вниз головой, не рискуя, вы так и не узнаете, чего могли добиться.

⁴ Black Hawk (англ.). – Прим. пер.

Глава 7

Не бойтесь дать сдачи

Если вы хотите изменить мир...

не отступайте перед акулами

Море у острова Сан-Клементе было беспокойным и холодным, когда мы начали 6,5-километровый ночной заплыв. Курсант Марк Томас шел бок о бок со мной, и гребки мы совершали синхронно. На каждом из нас был только плавательный костюм (слегка великоватый), маска да пара ласт. Мы усиленно гребли против течения, которое толкало нас к югу, вокруг маленького полуострова.

Огни морской базы, откуда мы начали заплыв, отдалялись по мере того, как мы выходили в открытый океан. Через час мы были уже в полутора километрах от берега и, казалось, одни в воде. Где-то поодаль находились другие пловцы, но их скрывала тьма.

Сквозь стекло маски я видел глаза Марка. Наверное, его выражение лица было таким же, как и у меня. Мы оба знали, что воды у Сан-Клементе кишат акулами. И не какими-нибудь, а большими белыми акулами, самыми свирепыми хищниками во всем океане. Перед заплывом инструкторы кратко описали нам потенциальные угрозы, с которыми мы можем столкнуться ночью. Это и калифорнийские тройнозубые акулы, и акулы мако, и молотоголовые акулы, и лисьи акулы, но больше всего мы опасались больших белых акул.

Оказаться одному ночью среди океана, зная, что под водой обитают доисторические твари, готовые перекусить тебя пополам, – это щекочет нервы.

Однако мы так хотели быть «морскими котиками», что ничто не могло нас остановить. Придется сражаться с акулами – будем сражаться с акулами. Наша цель – стать достойными профессионалами – придавала нам мужества. **А мужеству многое подвластно.** Никто и ничто не может вас остановить. **Без мужества ваш путь будут определять другие люди.** Без мужества вы не устоите перед жизненными соблазнами. Без мужества вами начнут командовать тираны и деспоты. Без мужества ни одно общество не добьется величия и процветания. Без мужества негодяи станут чувствовать себя безнаказанными. А с мужеством любая цель по плечу. С мужеством можно бросить вызов злу и победить его.

* * *

Саддам Хусейн, бывший президент Ирака, сидел на краю старой армейской раскладушки, одетый в оранжевый спортивный костюм. Двадцать четыре часа назад его арестовали американские военные, и теперь он был пленным Соединенных Штатов.

Я открыл дверь, и в комнату вошли руководители нового иракского правительства. Саддам остался сидеть. На лице появилась усмешка – ни угрызений совести, ни покорности. Четыре иракских лидера стали кричать на Саддама, но близко не подходили. Саддам презри-

тельно и холодно улыбнулся, затем жестом предложил им сесть. Все еще опасаясь бывшего диктатора, они опустились на складные стулья. Они продолжали галдеть и тыкать в него пальцами, но, когда он заговорил, постепенно умолкли.

При Саддаме Хусейне партия «Баас» была повинна в гибели тысяч иракских шиитов и десятков тысяч курдов. Саддам лично казнил многих своих генералов, которых подозревал в измене.

Я полагал, что поверженный президент не представляет угрозы для людей в комнате, но иракские лидеры не разделяли моей уверенности. В их глазах читался страх. «Багдадский мясник» десятилетиями терроризировал целую нацию. Культ его личности привлек к нему негодяев; его головорезы издевались над невинными, заставили тысячи людей покинуть государство. Ни у кого в Ираке не было мужества бросить вызов тирану. И даже арестованного его панически боялись новые главы страны.

Если целью встречи было показать Саддаму, что он больше не у власти, ничего не вышло. За несколько минут ему удалось запугать и утратить руководство нового режима. Казалось, он даже стал увереннее.

Когда иракские лидеры ушли, я приказал военным изолировать бывшего президента в маленькой комнате. Отныне посетители не допускались, а охранникам запретили с ним разговаривать.

В течение следующего месяца я изо дня в день бывал в этом помещении. И каждый день Саддам вставал навстречу мне. Но всякий раз я молча указывал ему на раскладушку. Смысл был ясен: его время прошло. Он не может запугивать окружающих. Не вправе вселять страх в поданных. В прошлом остался сияющий дворец. В прошлом остались личные служанки, слуги и генералы. В прошлом осталась власть. Вседозволенность и беспредел, наполнившие его правление, закончились. Отважные молодые американские солдаты бросили вызов его тирании – и он уже не опасен для кого-либо.

Через тридцать дней я перевел Саддама Хусейна в ведомство военной полиции, а годом позже иракцы повесили его за преступления против народа. Обидчики всюду одинаковы – хоть в школьном дворе, хоть на рабочем месте, хоть во главе страны, где удерживают власть при помощи террора. Такие люди процветают благодаря страху и запугиванию.

Они обретают силу через робких и малодушных. Они подобны акулам, которые чувствуют страх в воде. Они ходят кругами, проверяя, будет ли жертва сопротивляться. Они изучают, слаба ли она. Если у вас нет мужества постоять за себя, они ударят. В жизни, чтобы достигнуть целей, чтобы совершить ночной заплыв, вам понадобится великое мужество. И это мужество есть в каждом из нас. Копните поглубже – и вы найдете его в изобилии.

Глава 8

Будьте на высоте

Если вы хотите изменить мир...

максимально выкладывайтесь в самые темные моменты

Я стоял на узкой песчаной косе и смотрел на военные суда, пришвартованные на другой стороне бухты, на Военно-морской базе 32-й улицы⁵. Между судами и нашей стартовой точкой в бухте Сан-Диего стоял на якоре небольшой корабль. Тем вечером он должен был стать нашей «целью». В течение последних месяцев наш курс сначала осваивал основы ныряния со скубой, потом ныряние с более сложным дыхательным аппаратом Emerson. Сегодня заканчивалась фаза ныряния – в техническом плане самый сложный этап базовой подготовки «морских котиков».

Задача состояла в том, чтобы проплыть 2000 метров под водой – от стартовой точки через залив – к этому судну, стоявшему на якоре. На киль судна следовало поставить учебную диверсионную мину и вернуться обратно незамеченными. А ведь дыхательный аппарат Emerson называли, мрачно шутя, «аппаратом смерти»: время от времени он отказывал. Среди «морских котиков» ходили байки о многих погибших из-за этого курсантах.

Ночью видимость в бухте Сан-Диего настолько плохая, что и руки перед лицом не разглядеть. Подводный компас освещает лишь маленький химический источник света. Хуже того, сгустился туман, и мгла над заливом мешала задать курс по компасу. А если промахнешься мимо цели, окажешься в канале для судов – ничего хорошего, если в порт зайдет эскадренный миноносец.

Инструкторы ходили взад и вперед перед двадцатью пятью парами курсантов, готовившихся к ночному погружению. Казалось, они волнуются не меньше нас. Они знали, что на этом задании особенно легко получить травму или погибнуть. Главный старшина, отвечавший за его выполнение, собрал всех дайверов в маленький круг. «Джентльмены, – сказал он, – сегодня ночью мы выясним, кто из вас, моряков, действительно хочет стать профессионалом». Он выдержал паузу для большего эффекта. «Там холодно и темно. Под кораблем будет еще темнее. настолько темно, что вы можете потерять ориентацию. настолько темно, что, если вы разделитесь со своим напарником, он не сумеет найти вас». Туман уже клубился вокруг, добравшись даже до песчаной косы, на которой мы стояли. «Сегодня ночью вам придется показать лучшее, на что вы способны. Вы должны вознестись над своими страхами, сомнениями и усталостью. **Как бы темно ни было, вы должны выполнить задание. Именно это отличает вас от всех остальных**». Почему-то его слова сидели у меня в голове последующие тридцать лет.

⁵ 32nd Street Naval Base (англ.) – крупнейшая американская военно-морская база на Западном побережье. – Прим. ред.

* * *

Я смотрел, как туман окутывает аэродром авиабазы в Баграме (Афганистан); это была очередная темная минута. На летном поле стоял массивный самолет С-17 с опущенным трапом. Он должен был принять останки павшего воина.

Такова «церемония трапа» – один из самых печально-торжественных, но и самых воодушевляющих аспектов войн в Ираке и Афганистане. В этом вся Америка. Каждый человек, независимо от происхождения, независимо от того, насколько героической была его кончина, получал чрезвычайно достойные и почетные проводы. Так нация отдавала ему дань. Это был финальный салют, последняя благодарность и прощальная молитва перед его дорогой домой.

Солдаты выстроились перед трапом в две шеренги. Это был почетный караул. Справа от самолета небольшой оркестр из трех музыкантов тихо играл «Великую благодать»⁶.

Несколько человек, в том числе я, собрались слева. Вдоль ангара стояли и сотни других солдат, моряков, летчиков, десантников, гражданских лиц, союзников. Все они пришли отдать последние почести.

Армейский внедорожник HUMVEE с останками прибыл строго в назначенное время. Шестеро солдат из отряда, в котором служил павший, вынесли гроб, покрытый американским флагом. Они медленно проследовали с ним мимо караула и по трапу внесли в самолет.

Солдаты поставили гроб в середине грузового отсека, ловко развернулись, встали по стойке смирно и салютовали. У изголовья гроба пастор склонил голову и прочел отрывок из Книги пророка Исаии:

«И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Ис. 6:8).

Когда трубач заиграл траурную мелодию, у солдат потекли слезы. Никто не пытался скрыть боль.

Военные, несущие гроб, ушли. Остальные, выстроившиеся снаружи, стали по очереди подходить к погибшему товарищу. Они отдавали честь и преклоняли напоследок колени.

С-17 должен был отправиться чуть позже утром и, пополнив по дороге запасы топлива, прибыть на военную авиабазу в Довере. Там гроб ожидали почетный караул и семья павшего воина, чтобы доставить тело домой.

...Нет в жизни более темной минуты, чем потеря близкого человека. Однако я снова и снова видел, как нас – семьи, воинские части, города, мегаполисы, нацию – сплачивают и мобилизуют эти трагические времена.

Когда опытного армейского спецназовца убили в Ираке, его брат-близнец вел себя достойно: утешал друзей убитого, поддерживал семью и старался, чтобы его брат мог гордиться его силой в этот трудный период.

Когда павшего рейнджера привезли домой на родину, в город Саванна (штат Джорджия), весь его отряд в парадной форме промаршировал от церкви к его любимому бару на Ривер-стрит. А навстречу вышли все жители Саванны. Пожарные и полицейские, ветераны и гражданские самых разных профессий собрались попрощаться с молодым солдатом, героически погибшим в Афганистане.

Когда в Афганистане разбился самолет CV-22 – погибли пилот и несколько членов экипажа, – летчики из отряда встретились, отдали последнюю дань, а на следующий день снова взлетели. Они знали: павшие братья хотят, чтобы они были в воздухе и продолжали их дело.

⁶ Amazing Grace (англ.) – всемирно известный христианский гимн, написанный английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном. – *Прим. ред.*

Когда вертолетная авария унесла жизни двадцати пяти спецназовцев и шести бойцов Национальной гвардии, весь народ скорбел и был исполнен гордостью за отвагу, патриотизм и доблесть ушедших воинов.

В какой-то момент жизни все мы сталкиваемся с ее темной стороной. Если не утрата близкого человека, так еще что-нибудь сокрушает дух, вызывая сомнения в будущем. В темный час ищите силы внутри себя – и используйте свои резервы по максимуму.

Глава 9

Давайте людям надежду

Если вы хотите изменить мир...

начинайте петь, когда вы по шею в грязи

Ночной ветер с океана достигал девяти метров в секунду. Луны на небе не было, а звезды закрывали вечерние облака. Я лежал по грудь в грязи, с головы до пят покрытый слоем маскировки. Затвердевшая масса глины мешала обзору, и я видел лишь очертания других курсантов, собравшихся в низине вместе со мной.

Была среда «адской недели». Весь наш курс отправился на печально известные илистые отмели у Тихуаны. «Адская неделя» была решающим испытанием «первой фазы» подготовки «морских котиков»: шесть дней без сна при постоянных издевательствах инструкторов – длинные пробежки, заплывы в открытом океане, полосы препятствий, лазание по канату, бесконечные серии упражнений и гребля в маленькой надувной лодке. Цель «адской недели» состояла в том, чтобы выжить слабаков, которым не по плечу испытания «морских котиков».

По статистике, в «адскую неделю» вылетало больше курсантов, чем в любое другое время. И не было ничего хуже илистых отмелей. Расположенные между югом Сан-Диего и Мексикой, низины собирали сточные воды из Сан-Диего. В них образовывалась глубокая и густая грязь, подобная мокрой глине.

Утром наш курс добрался из Коронадо до этого берега на резиновых шлюпках. А затем нас загнали в болото. Нас ждали переходы и индивидуальные испытания. И все это – ради того, чтобы нам стало холодно и мокро, чтобы мы пожалели себя. Грязь прилипла к каждой частице кожи и была настолько плотной, что продвижение сквозь нее изматывало и испытывало волю.

Поход продолжался часами. К вечеру мы еле перебирали ноги от усталости и холода, который пробирал до костей. А когда зашло солнце и температура упала, поднялся ветер, стало еще труднее.

Боевой дух быстро испарялся. Была всего лишь среда, и мы знали: впереди еще три дня страданий и усталости. Для многих курсантов настал момент истины. Нас била дрожь, руки и ноги затекли от неудобных поз, а кожа стала такой чувствительной, что малейшее движение причиняло дискомфорт. Надежда на то, что нам удастся выдержать обучение, угасала.

На фоне далеких огней города показался силуэт инструктора. «Морской котик» решительно прошел к берегу моря. Он поднес ко рту рупор и заговорил очень мягко, как старый друг: предложил уставшим курсантам сделать перерыв. Он сказал, что мы можем присоединиться к нему и другим инструкторам у огня. У него был и горячий кофе, и куриный суп. Мы можем отдохнуть, пока не взойдет солнце. Перевести дух. Расслабиться.

Я чувствовал, что некоторые курсанты готовы принять его предложение. В конце концов, сколько еще мы высидим в грязи? Сухо и тепло, горячий кофе и куриный суп – звучит заманчиво... Но это была ловушка. Ведь инструктор хотел одного: чтобы пятеро из нас выбыли. Всего лишь пять человек – и тогда для остальных мучения закончатся.

Курсант позади меня пошел на зов. Я ухватил его за руку и крепко сжал. Но его желание выбраться из грязи было слишком сильным. Он высвободился и побрел к сухой земле. Я увидел, что инструктор улыбается. Он знал: решился один – решатся и другие.

Внезапно сквозь рев ветра послышался голос. Пение. Оно было усталым и хриплым – не для нежных ушей, – но достаточно громким, чтобы на него обратили внимание все. И все поняли мелодию. И вот уже один голос перерос в два, два – в три. И вскоре пел каждый.

Курсант, направившийся к сухой земле, повернулся и снова занял свою позицию за мной. Взяв меня за руку, он также запел. Инструктор поднял рупор и крикнул, чтобы мы немедленно замолчали. Но никто не послушался. Он заорал на старшего среди нас, чтобы тот навел порядок. Но пение продолжалось. С каждой угрозой голоса становились громче, мы чувствовали себя крепче, а стремление выстоять вопреки тяготам делалось нестигаемым. Огонь освещал лицо инструктора во тьме: он улыбался.

Опять-таки мы усвоили важный урок: одному человеку под силу объединить всю группу. Он способен воодушевить остальных, дать им надежду. Если он в состоянии петь, сидя по шее в грязи, значит, в состоянии и мы. Если он сумеет выдержать зверский холод, значит, сумеем и мы. Если он может держаться, значит, можем и мы.

* * *

Зал военной авиабазы в Довере был полон скорбящих семей: безутешные дети всхлипывали в объятиях матерей; родители держались за руки в надежде набраться сил друг у друга; на лицах жен застыло отстраненное выражение неверия. Всего лишь пять дней назад в Афганистане был сбит вертолет с «морскими котиками» и их коллегами из афганского спецназа. Все 38 человек на борту погибли. Это крупнейшая потеря в ходе войны с терроризмом.

Через час без малого в Довере должен был приземлиться большой транспортный самолет С-17. Родственникам павших героев предстояло пройти к нему и встретить гробы, покрытые флагами. Пока семьи ждали, в зал пришли президент Соединенных Штатов, министр обороны, другие министры и военачальники. Они хотели отдать последние почести погибшим и утешить тех, кого могли.

Я бывал на десятках мероприятий, посвященных павшим воинам. Это нелегко: я часто сомневался, что мои соболезнования хоть что-то значат для тех, кто потерял близких, и что шок позволит им их воспринять.

Мы с моей женой Джорджэнн стали говорить с семьями, и я с трудом подыскивал нужные слова. Как выразить свою эмпатию? Как объяснить, что их сын, муж, отец, брат или друг пожертвовали жизнью не напрасно? Я делал все, чтобы утешить каждого. Я обнимал их. Я молился с ними. Я пытался оставаться сильным ради них, но в глубине души чувствовал: всё не то.

Затем, встав на колени возле пожилой женщины, я заметил, что рядом одна семья беседует с Джоном Келли, генерал-лейтенантом морской пехоты. Келли, военный советник министра обороны, был высоким и подтянутым человеком в безукоризненной форме, с коротко стриженными седыми волосами. Вокруг него собрались люди – убитые горем родители и их дети, – и я физически ощутил, как его слова сочувствия и поддержки вливают в них силы. Он улыбался – и они улыбались. Он обнимал их – и они его обнимали. Он протягивал им руку – и они крепко еежимали.

Еще раз обняв этих людей и поблагодарив их семью за их жертву, Келли перешел к следующей группе. В течение следующего часа он побеседовал почти со всеми семьями в зале. И его слова, больше, чем слова любого другого человека, трогали сердце каждого родителя, каждой жены, каждого брата, каждой сестры, каждого друга. В его словах звучало понимание. Они были исполнены сострадания, а превыше всего – надежды.

Только Джон Келли мог изменить ситуацию в тот день. Только он мог дать надежду, ибо знал, что такое потерять сына на войне.

Первый лейтенант Роберт Келли был убит в Афганистане в 2010 году, когда служил в 3-м батальоне 5-го полка морской пехоты. Генерал Келли и его семья страдали после трагедии, как и люди в Довере. Но семья Келли выжила. Она прошла через муки, боль и чувство невосполнимой потери.

Я смотрел на него в тот день и заряжался энергией. Ведь когда ты теряешь солдата, ты не только скорбишь об утрате: ты боишься, что эта судьба ждет и тебя. Ты начинаешь думать, переживешь ли потерю ребенка. Размышлять, на кого останутся близкие без твоей поддержки. Ты надеешься и молишься о том, чтобы Бог был милостив и не взвалил на твои плечи этот невыносимый груз.

В последующие три года мы подружались с Джоном Келли. Это замечательный офицер, надежная опора своей жене Карен, любящий отец своей дочери Кейт и старшего сына, майора ВМС Джона Келли. Но дело не только в этом: Джон Келли давал всем окружающим надежду. Надежду на то, что и в сложное время мы сможем подняться над болью, мукой и разочарованием – и стать сильными; на то, что в каждом из нас есть способность двигаться дальше, причем не просто выживая, но и вдохновляя других.

Надежда – самая могущественная сила в мире. Благодаря ей вы можете воодушевить целые страны. Распрямить спины тех, кто поник. С надеждой вы сумеете смягчить боль невыносимой утраты. Подчас лишь один человек способен все изменить.

Все мы однажды будем по шею в грязи. В это время нужно громко запеть и широко улыбнуться – поднять дух окружающих и дать им поверить, что завтра настанет лучший день.

Глава 10

Никогда не сдавайтесь

Если вы хотите изменить мир...

никогда, никогда не звоните в колокол

Вместе с другими 150 курсантами я стоял по стойке смирно. Начинался первый день обучения «морских котиков». Инструктор в армейских ботинках, штанах цвета хаки и майке с сине-золотой эмблемой прошел через большой асфальтовый двор к медному колоколу, висевшему у всех на виду.

«Джентльмены, – начал он, – сегодня первый день подготовки "котиков". В ближайшие шесть месяцев вы пройдете самый жесткий курс обучения во всей армии Соединенных Штатов».

Я огляделся и заметил на лицах товарищей дурное предчувствие. Инструктор продолжал: «Вас ждет испытание, какого у вас еще не было». Сделав паузу, он оглядел новобранцев-«салаг». «Большинство из вас не выдержат. Я позабочусь об этом». Он улыбнулся. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы выбыли!» Он жестко отчеканил последние три слова. «Я буду издеваться над вами. Я буду унижать вас при однокурсниках. Я буду требовать от вас невозможного». Он слегка ухмыльнулся. «И вы почувствуете боль. Много-много боли».

Инструктор взял в руки веревку, сильно дернул за нее, и долгий гул разнесся по двору. «Но, если вам не нравится боль, если вам не нравится все это унижение, есть легкий способ уйти». Он снова потянул за веревку, и глубокий металлический гул опять отозвался эхом в соседних зданиях. «Чтобы покончить с этим, нужно лишь трижды позвонить в колокол».

Он отпустил веревку. «Позвоните в колокол – и вам не придется рано вставать. Позвоните в колокол – и у вас не будет длинных пробежек, заплывов в холодной воде и полосы препятствий. Позвоните в колокол – и вы избавитесь от всех мучений».

Затем инструктор опустил глаза вниз на асфальт и, казалось, отвлекся от заготовленного монолога. «Но позвольте кое-что сказать, – произнес он, – если вы уйдете, вы будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Когда вы сходите с дистанции, легче не становится».

Шесть месяцев спустя, на церемонии выпуска, нас было только 33 человека. Некоторые избрали легкий путь и ушли. Они покинули базу. И, я считаю, инструктор был прав: они жалели об этом всю оставшуюся жизнь.

Из всех уроков, полученных в ходе подготовки «морских котиков», этот был самым важным. Никогда не сдавайтесь. Да, звучит банально, но жизнь постоянно ставит нас в ситуации, когда бросить все легче, чем продолжать; когда обстоятельства настолько против нас, что поднять белый флаг кажется наиболее разумным.

На протяжении службы меня снова и снова воодушевляли мужчины и женщины, которые отказывались сходить с дистанции, жалеть себя. И никто из них не вдохновил меня больше, чем молодой рейнджер, с которым я познакомился в госпитале в Афганистане.

* * *

Однажды вечером мне сообщили, что один из солдат подорвался на mine нажимного действия и доставлен на вертолете в военный госпиталь недалеко от штаба. Вместе с полковником Эриком Куриллой, командиром полка рейнджеров, мы отправились навестить этого бойца.

Он лежал в кровати. От его рта и груди отходили трубки; на руках и лице были заметны ожоги от взрыва. Одеяло, укрывавшее тело, плотно примыкало к постели в том месте, где должны быть ноги. Его жизнь навеки изменилась.

Бесчисленное число раз я бывал в афганских госпиталях. Когда командуешь войсками, пытаешься не пропускать через себя человеческое страдание. Война есть война. Солдат ранят. Они умирают. Если принимать каждое решение, исходя из того, будут ли жертвы, это негативно скажется на эффективности.

Однако в ту ночь все было иначе. Рейнджер, лежавший передо мной, был очень юн: моложе двух моих сыновей – всего-то девятнадцать лет. Звали его Адам Бейтс. Он прибыл в Афганистан всего лишь неделю назад, и это было его первое боевое задание. Я склонился над ним и коснулся рукой его плеча. Казалось, что он без сознания или спит под действием снотворного. Я поразмыслил минуту, прочитал короткую молитву и уже собирался уходить, как зашла медсестра, чтобы провести его.

Она улыбнулась, осмотрела жизненно важные органы солдата и спросила, есть ли у меня вопросы о его состоянии. Она сообщила, что обе его ноги ампутированы и он получил серьезное ранение после взрыва, но шансы выжить велики.

Я поблагодарил ее за серьезную заботу о рейнджере Бейтсе и сказал, что вернусь, когда он очнется. «Он в сознании, – ответила она, – будет даже лучше, если вы с ним поговорите». Она мягко потрясла молодого рейнджера. Он приоткрыл глаза и дал понять, что видит меня.

«Он не может сейчас говорить, – пояснила медсестра, – но его мать была глухой, и он умеет подавать знаки». Она передала мне листок бумаги с символами языка знаков.

Я еще минуту поговорил, пытаюсь подобрать правильные слова. Но что можно сказать юноше, который потерял обе ноги, служа своей стране? Как внушить ему надежду на будущее? И тут Бейтс – с отеком после взрыва лицом и глазами, почти не видимыми из-за красноты и повязок – внимательно взглянул на меня. Должно быть, в выражении моего лица он угадал жалость.

Подняв руку, юноша начал давать мне сигналы.

Я читал их по символам на листе бумаги. Медленно, преодолевая боль, он передал: «Я – буду – ОК». И снова уснул.

Выйдя вечером из госпиталя, я не мог сдержать слез. Из сотен людей, с которыми я разговаривал в госпитале, ни один не жаловался. Ни один! Они гордились своей службой. Они приняли свою участь и хотели лишь одного: вернуться в строй и быть вместе с товарищами. Для меня Адам Бейтс стал символом всех этих мужчин, которые были до него.

Через год после этого посещения госпиталя в Афганистане я прибыл на церемонию смены командования в 75-м парашютно-десантном полку. А на трибуне стоял десантник Бейтс, отлично выглядевший в униформе. Стоял крепко – на своих новых протезированных ногах. Я слышал, как он вызывает каких-то товарищей-десантников на состязание в подтягивании. Сколько всего он претерпел – многочисленные операции, болезненную реабилитацию, адаптацию к новой жизни – и не сдался. Он смеялся, шутил, улыбался и – как и обещал мне – был окей!

...Всех нас ждет немало трудных периодов. Но всегда есть люди, которым хуже, чем вам. Если вы наполните свои дни жалостью к себе и к своей судьбе, будете оплакивать свою долю и искать виновных, жизнь будет долгой и трудной. Но если вы откажетесь расставаться с мечтами; если распрямите спину и бросите вызов обстоятельствам, жизнь будет такой, какой вы ее задумаете. И в ваших силах сделать ее замечательной. Никогда, никогда не звоните в колокол!

* * *

Не забывайте... начинайте каждый день с выполненной задачи. Ищите людей, на которых можно опереться. Уважайте каждого. Знайте, что жизнь несправедлива и что неудачи случаются часто, – но если вы будете рисковать, держаться в трудное время, давать отпор обидчикам, подбадривать павших духом и никогда, никогда не сдаваться... если вы будете делать все это, вы сможете изменить свою жизнь к лучшему... а может, и мир!

Речь на вручении дипломов в тexasском университете

17 мая 2014 года

Девиз Университета: «То, что начинается здесь, меняет мир». Должен признать, мне это по душе. «То, что начинается здесь, меняет мир!»

Сегодня здесь собралось почти 8 тысяч выпускников Техасского университета. Великий образец аналитической точности, Ask.com, сообщает, что в среднем американец встречает за свою жизнь 10 тысяч человек. Это немало! Но если каждый из вас изменит жизнь всего лишь десяти человек, а каждый из тех людей изменит жизнь еще десяти человек – всего лишь десяти! – то за пять поколений (125 лет) выпуск 2014 года изменит жизнь 800 миллионов.

800 миллионов человек. Вы только подумайте: в два раза больше людей, чем население Соединенных Штатов. Отсчитайте еще поколение – и вы сможете изменить все население Земли, 8 миллиардов. Если вы думаете, что изменить жизнь десяти человек – причем изменить навеки – сложно, вы ошибаетесь.

Я каждый день видел, как это происходит в Ираке и Афганистане. Какой-нибудь молодой армейский офицер принимает решение отправиться по левой, а не по правой, дороге в Багдаде – и десять солдат в его отряде избегают нападения из засады.

В афганской провинции Кандагар сержант из женской боевой группы чувствует, что что-то не так, и направляет пехотный взвод прочь от самодельного взрывного устройства, спасая жизни дюжины людей.

И если задуматься, решения одного человека спасли не только этих солдат, но и их детей, которые еще не родились. И детей их детей. Целые поколения были спасены благодаря одному решению одного человека.

Однако оказать влияние на мир можно всюду. Это под силу каждому. Да, то, что начинается здесь, меняет мир. Но возникает вопрос: каким станет мир после того, как вы его измените?

Конечно, я уверен: он будет выглядеть намного-намного лучше. Но если вы сделаете на минутку одолжение старому моряку, я поделюсь несколькими идеями, которые помогут вам на пути к лучшему миру. И хотя это – выводы, сделанные мной во время учебы на военной базе, могу вас уверить: не имеет значения, служили ли вы хотя бы день.

Ваш пол, ваша национальность и религия, ваша ориентация и ваш социальный статус также не важны. Все мы переживаем похожие трудности. Поэтому уроки, полезные для того, чтобы преодолеть эти сложности и идти дальше, изменить себя и мир вокруг нас, равно применимы ко всем.

Я был «морским котиком» 36 лет. Но все началось, когда я отправился после Техасского университета на базовую подготовку «котиков» в Коронадо, штат Калифорния. Обучение длится полгода. Это мучительные забеги в мягком песке, ночные заплывы в холодной воде у Сан-Диего, преодоление полосы препятствий, бесконечные упражнения и сутки без сна. Всегда было холодно, мокро и тяжело.

Это шесть месяцев непрерывных унижений со стороны профессиональных военных, старавшихся выявить слабых умом и телом и навсегда отрезать их от карьеры «морских котиков». Однако они также пытались найти тех курсантов, которые способны вести других в обстановке постоянного стресса и хаоса, неудач и тягот. Для меня базовая подготовка «котиков» была целой жизнью испытаний, уместившейся в шесть месяцев.

Итак, вот десять уроков, усвоенных мною в процессе подготовки. Надеюсь, они пригодятся и вам.

* * *

Каждое утро в ходе базовой подготовки инструкторы – все они тогда были ветеранами вьетнамской войны – заходили в мою комнату в казарме и проверяли койку. Если вы все сделали верно, углы были ровными, одеяло туго натянутым, подушка лежала строго по центру сразу под изголовьем, а дополнительное одеяло было аккуратно сложено в изножье.

Задача простая, самая обыденная. Но каждое утро требовалось в совершенстве застилать кровать. Нас это немного забавляло – ведь мы готовились стать настоящими воинами, крутыми и закаленными «морскими котиками», – но с тех пор я неоднократно убеждался в мудрости этого простого действия.

Если вы уберете утром постель, вы выполните первую задачу дня. Это подарит вам чувство гордости и стимулирует к решению другого вопроса, а потом еще одного и еще. А к концу дня эта задача превратится в большое количество других. Застилание кровати также поможет осознать, что мелочами пренебрегать нельзя.

Если вы не способны делать правильно незначительные вещи, вы никогда не справитесь с серьезными задачами. Но если у вас будет неудачный день, вы придете домой и вас встретит убранный – *вами* убранный – постель, она даст вам надежду на лучшее завтра.

Если вы хотите изменить мир, сначала заправьте кровать.

* * *

В ходе подготовки «морских котиков» учеников разбивают на экипажи. В каждый из них входит семь курсантов: по три с каждой стороны небольшой резиновой шлюпки и рулевой, который направляет судно. Каждый день команда собиралась на берегу и получала задание выйти за полосу прибоя и пройти несколько километров вдоль побережья.

Зимой высота волн под Сан-Диего может достигать двух с половиной – трех метров. Преодолеть прибой крайне трудно, если каждый не налегает на весла. При этом гребки должны производиться синхронно по команде рулевого. И всем следует прилагать одинаковые усилия, иначе шлюпку развернет и быстро выкинет на берег. Чтобы судно достигло места назначения, стараются все.

Вы не можете изменить мир в одиночку: вам понадобится помощь. Чтобы попасть из пункта А в пункт В, нужны друзья и коллеги, добрая воля посторонних людей и хороший рулевой.

Если вы хотите изменить мир, найдите того, кто поможет вам грести.

* * *

За несколько недель тяжелой подготовки наш курс «морских котиков» сократился со 150 человек до 42. Осталось лишь шесть шлюпочных экипажей по семь человек в каждом. Я был в команде с высокими парнями, но лучшая состояла из низких. Мы называли ее «экипажем гномов»: в нем не было никого выше метра шестидесяти пяти.

В «экипаж гномов» входил один американский индеец, один афроамериканец, один польский американец, один греческий американец, один итальянский американец и два крутых парня со Среднего Запада. Они гребли мощнее и быстрее, чем все остальные.

Великаны из других экипажей слегка подтрунивали над «крошечными лапами» гномов, которые надо всякий раз надевать на «крошечные ножки». Но хорошо смеется тот, кто смеется

последним: невысокие парни, представители разных наций, снова и снова опережали нас. Их шлюпка достигала берега раньше всех.

Подготовка «морских котиков» была великим уравниателем. Ничто не имело значения, кроме воли к успеху, – ни цвет кожи, ни этническое происхождение, ни образование, ни социальный статус.

Если вы хотите изменить мир, судите о человеке по размеру сердца, а не по размеру ласт.

* * *

Несколько раз в неделю инструкторы выстраивали курсантов для осмотра. Проверка была очень тщательной. Головной убор должен быть идеально накрахмален, форма аккуратно выглажена, а бляха ремня начищена до блеска.

Однако создавалось впечатление, что, как бы усиленно ты ни крахмалил головной убор, ни выглаживал форму и ни полировал бляху, ты недотягивал. Инструкторы находили, к чему придраться.

Курсант, который провалил это испытание, должен был вбежать в полном обмундировании в океан, а затем, мокрым с головы до ног, вывалиться в песок, пока каждая часть его тела не будет покрыта песком. После этого его провозглашали «сахарной печенькой». В таком виде он проводил весь день, продрогший и покрытый сырым песком.

Многие курсанты не могли смириться с тем, что все усилия потрачены напрасно; как они ни старались привести в порядок форму, их старания никто не оценил. Эти юноши не выдержали обучения. Они не поняли цели испытания. Ведь абсолютный успех невозможен: не бывает ничего идеального.

Подчас вы оказываетесь «сахарной печенькой» независимо от того, насколько хорошо готовы и насколько хорошо выполнили свое дело. Такова жизнь.

Если вы хотите изменить мир, переживите, что были «сахарной печенькой», и двигайтесь дальше.

* * *

Каждый день нам, курсантам, давали большую физическую нагрузку. Долгие пробежки, длительные заплывы, полосы препятствий и часы упражнений – одним словом, мало не покажется.

Везде были свои нормативы. Если ты не выполнял их, твое имя вносили в список, а под конец дня тех, кто туда попал, приглашали в «цирк».

«Цирк» – это дополнительные два часа упражнений, призванные измотать, сломать дух и заставить покинуть обучение. Никто не хотел «цирка». Это означало, что сегодня ты недотянул. «Цирк» сулил больше усталости, и, следовательно, завтра будет еще труднее – и вероятны все новые и новые «цирки».

Каждый (каждый!) из «морских котиков» в какой-то момент обучения отправлялся в «цирк». Но с теми, кто попадал в него часто, происходило нечто интересное. Со временем эти курсанты, выполнявшие лишние два часа упражнений, становились сильнее и сильнее. Боль «цирка» вырабатывала внутреннюю силу, физическую стойкость.

В жизни «цирк» не редкость. У вас будут неудачи. И скорее всего, довольно частые. Болезненные неудачи. Тяжкие разочарования. Они станут настоящим испытанием вашего характера.

Но если вы хотите изменить мир, не бойтесь «цирка».

* * *

Как минимум дважды в неделю мы проходили полосу препятствий. Она состояла из 25 этапов: требовалось преодолеть трехметровый барьер, перебраться по сетке, пролезть под колючей проволокой и многое другое. Труднее всего был спуск по канату. Между десятиметровой вышкой с одной стороны и шестом с другой стороны натягивался тридцатиметровый канат.

Карабкаешься на вышку. Затем, стоя наверху, хватаешься за канат – и движешься вперед, на другой его конец, перебирая руками. При этом вы сами висите под канатом. К тому моменту, как мой курс начал тренироваться в 1977 году, рекорд давно никто не бил. Он вообще казался недостижимым, пока один курсант не решил спуститься по канату головой вниз.

Вместо того чтобы висеть мешком под канатом и продвигаться вперед сантиметр за сантиметром, он смело лег на канат и оттолкнулся ногами. Это был опасный, рискованный и с виду глупый ход. Неудача означала травму и вылет из учебки. И все же курсант, не колеблясь, быстро соскользнул по канату вниз. Весь путь занял у него не несколько минут, как обычно, а вполтину меньше. И в итоге он побил рекорд.

Если вы хотите изменить мир, иногда нужно съезжать головой вниз.

* * *

В процессе обучения боевым действиям на суше курсанты вылетали на остров Сан-Клементе, который находится недалеко от побережья Сан-Диего. Воды Сан-Клементе кишат большими белыми акулами. Чтобы успешно закончить учебу и стать «морским котиком», нужно совершить ряд заплывов. Один из них – ночной.

Перед заплывом инструкторы жизнерадостно сообщают курсантом о всевозможных видах акул, населяющих воды у Сан-Клементе. Впрочем, они уверяют, что ни один курсант не был съеден акулой... во всяком случае в последнее время. Но вам также объясняют: если акула начнет кружить вокруг вас, удерживайте свои позиции. Не пытайтесь уплыть. Не действуйте из страха. А если хищница, жадная до ночной добычи, ринется к вам, соберите все свои силы и дайте ей кулаком по морде. Тогда она развернется и уплывет.

Акул на свете много. Если у вас есть желание одолеть дистанцию, нужно давать им отпор.
Если вы хотите изменить мир, не отступайте перед акулами.

* * *

Одна из задач «морских котиков» состоит в том, чтобы совершать подводные нападения на вражеские суда. В процессе базовой подготовки этому было уделено много внимания. Ход действий такой: пара водолазов-подрывников десантируется вне вражеской гавани, а затем проплывает километра три, а то и больше, под водой, используя на пути к цели лишь глубиномер и компас.

Немного света на маршруте пробивается даже сквозь толщу воды. Приятно знать, что где-то наверху – морской простор. Но по мере того, как ты приближаешься к судну, стоящему у пирса, свет начинает меркнуть. Стальной корпус корабля закрывает лунный свет и свет от уличных фонарей. Он заслоняет всякое естественное освещение.

Чтобы выполнить задание, нужно проплыть под судном и найти киль, линию киля и самую глубокую часть корабля. Это и есть цель. Но киль также самая темная часть судна: не

видно даже руки перед лицом, а шум моторов попросту оглушает; легко потерять ориентацию и потерпеть неудачу.

Каждый «морской котик» знает, что под килем, в труднейший момент выполнения задания, он должен быть спокоен: нужно собраться и задействовать все свои тактические навыки, всю физическую и внутреннюю силу.

Если вы хотите изменить мир, вы должны максимально выкладываться в самые темные моменты.

* * *

Девятую неделю подготовки называют «адской». Это шесть дней без сна, при постоянном физическом и моральном издевательстве инструкторов, плюс день на илистых отмелях. В отмель между Сан-Диего и Тихуаной стекается вода, образуя тихуанские болота. Болота, в которых так просто захлебнуться.

В среду «адской недели» ты идешь к этим топям и следующие пятнадцать часов пытаешься выжить среди ледящей грязи и воя ветра. Инструкторы же то и дело дают, снова и снова предлагая все бросить.

Когда в тот вечер среды солнце стало садиться, нас, курсантов, загнали в грязь за «вопиющее нарушение правил». Грязь поглотила каждого: на поверхности оставались лишь головы. Инструкторы объяснили: мы можем выбраться из топи лишь в том случае, если пять человек покинут курс. Всего лишь пятеро – и мы спасемся от страшного холода.

Глядя вокруг, я видел, что некоторые курсанты готовы сдаться. А впереди были еще восемь с лишним часов до восхода солнца, восемь часов пронизывающей стужи. Юноши дрожали и стучали зубами от холода так громко, что это заглушало остальные звуки. И вдруг сквозь ночь пробился голос: кто-то затянул песню. Она была не очень складной, но исполнялась с огромным энтузиазмом. Один голос превратился в два, два в три – и вот уже пели все курсанты.

Мы знали: если один человек может вознестись над тяготами, значит, могут и другие. Инструкторы угрожали: если не замолчите, будете сидеть в грязи еще дольше. Но пение продолжалось. И почему-то грязь показалась чуточку теплее, ветер немного тише, а заря не столь уж и далекой.

Если я чему-нибудь научился, путешествуя по миру, так это силе надежды. Я понял, сколь многое может одна личность: Вашингтон, Линкольн, Кинг, Мандела и даже маленькая девочка из Пакистана, Малала. Один человек способен изменить мир, дав людям надежду.

Если вы хотите изменить мир, начинайте петь, когда вы по шее в грязи.

* * *

И наконец, на учебной базе «морских котиков» был колокол: медный колокол в самом центре базы, на виду у всех курсантов. Чтобы покинуть обучение, достаточно было лишь позвонить в него. Позвоните в колокол – и не придется вставать в пять часов утра. Позвоните в колокол – и вы лишитесь заплывов в ледяной воде. Позвоните в колокол – и не будет пробежек, полосы препятствий, физических упражнений. Вам не придется выдерживать тяготы тренировок.

Всего лишь позвоните в колокол.

Но если вы хотите изменить мир, никогда, никогда не звоните в колокол.

* * *

Выпускники 2014 года! Всего лишь несколько мгновений отделяют вас от конца обучения. Осталось несколько мгновений до начала самостоятельного путешествия по жизни. Несколько мгновений до того, как вы начнете менять мир к лучшему. Будет нелегко.

Начинайте каждый день с выполненной задачи. Ищите людей, на которых можно опереться. Уважайте каждого. Знайте, что жизнь несправедлива и что неудачи происходят часто, – но если вы осмелитесь рисковать, крепиться в трудное время, давать отпор обидчикам, подбадривать павших духом и никогда, никогда не сдаваться... если вы будете делать все это, следующее и дальнейшие поколения будут жить в намного лучшем мире, чем наш. И то, что началось здесь, действительно изменит мир к лучшему.

Спасибо вам большое. «Подцепите их на рога!»⁷

⁷ «Hook 'em, Horns» (англ.) – девиз студентов Техасского университета в Остине. – *Прим. ред.*

Благодарности

Я хочу поблагодарить моего редактора Джейми Рааб за терпение и понимание. Вы создали замечательную книгу, и она, я знаю, выдержит испытание временем. Я также хочу сказать спасибо своим удивительным друзьям, которые согласились быть упомянутым в этой книге. Ваше мужество перед лицом великих тягот воодушевляло меня больше, чем вы думаете.

Об авторе

Адмирал Уильям Макрейвен (ВМС США, в отставке) с выдающимся отличием служил в военно-морском флоте. За 37 лет службы «морским котиком» он занимал руководящие позиции на всех уровнях. Последним назначением четырехзвездного адмирала стала должность главного командующего войсками специального назначения США. Сейчас – ректор Университета штата Техас.